

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

С культурологических позиций рассматривается феномен советской культуры, обосновывается необходимость ее изучения и возможности использования ее достижений в условиях современной России. При этом утверждается, что советская культура, как бы к ней кто не относился – наше национальное достояние; она создавалась на лучших образцах мировой и отечественной культуры и потому остается фундаментом нашего современного социального бытия.

Ключевые слова: культура, цивилизация, образование, культурное наследие, культурные ценности, страна, народ, общество, тоталитарная культура, прогресс

Приступая к теме, обозначенной заголовком статьи, следует сделать ряд принципиальных замечаний по существу обсуждаемой проблемы.

С одной стороны, автор статьи далек от апологетики *всей* советской действительности, ибо, чтобы защищать все и вся в прошлом, необходимо забыть многие ужасы этой действительности. У меня это не получится по простой причине: я сам родился на севере по месту политической ссылки отца – Кургузова Луки Сергеевича, между прочим, члена партии большевиков с 1917 года, который с 17 лет с оружием в руках защищал Советскую власть, будучи красным партизаном и красногвардейцем. Защищал власть, именем которой и был в итоге сослан в ссылку на десять лет как «враг народа». А мой дядя, Кургузов Савва Сергеевич, член партии большевиков с 1907 года (когда, как известно, проходимцы в партию не вступали, т. к. за принадлежность к партии большевиков после поражения первой русской революции грозил просто «стольпинский галстук», т. е. виселица), был расстрелян как друг и соратник первых советских маршалов – Блюхера, Тухачевского и первого секретаря ЦК Компартии Украины Постышева, которые тоже непонятным образом из активных борцов за Советскую власть превратились в ее «врагов», расстрелянных немного ранее.

Как видит читатель, я здесь вовсе не говорю о каких-то монархистах, кулаках и прочих антисоветских элементах. Я говорю здесь о людях, искренне преданных идеалам Советской власти (естественно, впоследствии реабилитированных – к сожалению, посмертно), незаслуженно от нее же и пострадавших.

Сегодня из работ историков и публицистов достоверно известно, сколько наших сограждан оказалось обездолено и убито безо всякой вины в ходе и после революции 1917 года путем политических репрессий – этой перманентной гражданской войны со своим народом. В одном из сводных исследований приведены документальные (хотя и не исчерпывающие) подсчеты на эту тему. Только в 1937-1938 гг. подверглись аресту 3 141 444 человека, из них 1 575 259 – по политическим обвинениям (50,7 % были приговорены к расстрелу), а остальные – по уголовным. За этот же период в лагерях и тюрьмах умерло 160 084 заключенных [1].

С другой стороны, будет совсем неправильно сводить все советские достижения только к кровавым деяниям Сталина, Ягоды, Ежова и Берии. Советское прошлое – это деяние наших отцов и дедов, и поэтому я не могу быть равнодушным к тому, что всю советскую действительность сегодня незатейливо обвиняют, например, в тоталитаризме. Это понятие было введено немецким исследо-

вателем Х. Аренд для отождествления фашизма и социализма, для снятия «немецкой вины» перед народами, поработанными немцами в период Второй мировой войны.

Наиболее читаемый и ныне здравствующий русский философ Б.В. Марков утверждает: «Сегодня в погоне за мелочами нередко забывают принципиальные вещи, отсюда и проистекает отождествление фашизма и коммунизма... Нельзя смотреть на свою страну глазами Запада... Это для немцев уравнивание фашизма и сталинизма допустимо и даже благотворно (именно в этом состояла миссия Анны Аренд, она своими работами снимала комплекс вины у немцев), а у нас должна быть своя точка зрения на нашу историю» [2].

Следует ли забывать о том, что новое российское общество отказалось от общества, ориентированного на всестороннее развитие человека? В погоне за материальным благополучием индивида (деньги решают всё!) у нас, по сути, исчезает само общество. Парадокс в том, что все сегодня говорят о социальном прогрессе и модернизации общественных отношений и все видят, что российское социальное пространство деградирует. Отсюда объективно и возникает ностальгия по многим атрибутам советского образа жизни. Наверное, именно по этой причине Б.В. Марков подчеркивает: «Теперь, когда мы потеряли свою страну, я лучше понимаю и тех, кого считают консерваторами» [3].

Таким образом, дальнейшее осмысление тоталитаризма в культуре XX века, безусловно, необходимо. Но так же безусловно очевидно и то, что огромный пласт отечественной истории – 70-летнего периода Советской власти, особенно *позитивных* сторон его социокультурной практики, требует глубокого и всестороннего изучения.

За последние годы вышло множество научных и учебных изданий, в которых предпринимаются попытки умалить значение советской культуры, советского образа жизни, свести на нет чувство со-

ветского патриотизма. Нередко реализуется практика умолчания, искажения фактов или же теоретический материал подается, как обвинительное заключение по отношению к советской культуре. *Советология*, некогда представлявшая истолкование марксистско-ленинского учения, социалистического строительства и мирового коммунистического движения в антикоммунистических целях, становится теперь *сферой профессиональной деятельности* некоторых деятелей культуры, искусства, не только зарубежных, но и доморощенных специалистов-гуманитариев.

При этом *советология* у нас в России обретает образ *советофобии*. В норму литературного языка вошли пренебрежительные определения «совдепия», «совок», с помощью которых на глубинном социо-культурном уровне разрушается архетип патриотических, высоконравственных чувств к Родине и ее истории. В головы молодых людей вбивается идея о наличии не советской культуры, а тоталитарной.

И все же постепенно к значительной части населения нашей страны приходит прозрение. Все настойчивее звучит призыв перестать стыдиться своего прошлого, перестать стыдиться самого слова «советский». На гребне возвратной волны мы с новой силой начинаем ощущать, что дали нам ликвидация безработицы, бесплатное образование и здравоохранение, что дали нам и всему миру советская литература и музыка, кинематограф, советская наука и принципы поддержания геополитического баланса сил. Сказанное предполагает необходимость тщательного, всестороннего и добросовестного *изучения советской культуры* во всем многообразии ее противоречий и достижений, в памяти и сердцах нескольких поколений людей.

Наверное, каждому пора понять, что советская культура есть часть духовного наследия, принадлежащего нашему народу. Соответственно, она должна получить объективную и взвешенную оценку с точки зрения принципа историзма.

При этом нами должно руководить только одно – не растерять духовно-нравственные, эстетические ценности, созданные в советский период. Мы должны сохранить эти ценности для будущего. В этом стремлении возрастает роль соответствующей *методологии* в изучении советской культуры и ее места в российской цивилизации, прежде всего в области культурологии, философии, истории и социологии культуры. Какими мне представляются векторы и внутренняя сущность такой методологии?

Во-первых, советская культура должна восприниматься как социальная целостность. Необходимо охватить все сферы материальной, социальной и духовной культуры, получивших развитие за 70 лет Советской власти в их органическом единстве.

Во-вторых, следует выявить существо противоречий развития советской культуры в различных сферах общественной жизни в ее идеологическом и геополитическом контексте.

В-третьих, логика исследования предполагает поиск нового социального качества на стыке культурных эпох, на междисциплинарных основах гуманитарного дискурса.

В-четвертых, советскую культуру следует рассматривать в единой цепи развития отечественной культуры как ее закономерный этап, по отношению к которому применим в полном объеме принцип преемственности.

В-пятых, принципиально важно изначально определиться с выявлением соотношения понятий «*советская культура*» и «*культура народов Советского Союза*», из которых, по моему мнению, первое понятие более узкое, но имеющее тенденцию к расширению, нежели второе – широкое, но имеющее тенденции к сужению.

Вряд ли стоит забывать и то, что феномен *советской культуры* занимает достойное место в системе исторической типологии *мировой культуры* как один из наиболее значимых и вместе с тем драматических периодов в истории

борьбы человечества за идеалы социальной справедливости. В этом заключена его поучительность и непреходящая ценность.

В решении вопроса о месте советской культуры в потоке российского цивилизационного развития четко обозначились два давно знакомых нам подхода, продолжающиеся в новых исторических условиях: *западничество* и *славянофильство*. Первый из них представлен современной либеральной интеллигенцией, ориентированной на западные ценности, на идеалы «свободного рынка» и «демократии». В свете их идеалов не только советская культура, но и в целом российская цивилизация предстает как отклонение от заданной Западом «теории» цивилизационного развития.

В основу такого понимания особенностей советской культуры положена известная мифологема о России как обычной (и типичной) европейской стране. «Мы, русские, – писал еще полтора века назад И.С. Тургенев, – принадлежим и по языку, и по природе к европейской семье, «genus Europaeum» – и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге...» [4].

Чем же обернулась либеральная утопия о трансплантации западных ценностей в ткань современной России? Она обернулась для нее катастрофой: разрушен Советский Союз, распался российский суперэтнос – уникальное геополитическое образование. Более того, произошло разрушение духовно-смысловых оснований советского общества. В идеологической войне с советской культурой, развязанной прозападной пропагандой, все положительное в ней изображается под знаком минус. Целью этой тотальной войны с советской культурой и в целом – с национально-культурной традицией является слом самого генотипа народа, т. е. тех самых ценностей, которые интегрируют поколения в органически развивающееся целое. Духовный геноцид, развязанный на всем постсоветском пространстве, призван вытравить из истории

ческой памяти народа положительные ценности, заставить его устыдиться своего прошлого и принять только западные ценности в качестве основания своего бытия.

Однако в последнее время и в стан современных западников все чаще и чаще приходят сомнения, особенно после совершенно неожиданных слов «антикоммуниста № 1» З. Бжезинского, сказанных им сразу же после развала СССР, в 1992 году: «Сейчас угроза миру исходит из гибели коммунизма. Мир разучился творить, мыслить, рожать идеи. Мир обнищал духовно. И теперь, когда в понятии «угроза миру» образовался вакуум, я боюсь, как бы человечество, разленившись, не превратилось в сборище холеных, сытых, но абсолютно пустых машин. Дай Бог людям, в том числе и моим соотечественникам, осознать, что есть в мире вещи более жизненно важные, чем микроволновая печь, собственный самолет или копченая колбаса» [5].

Медленно, но приходит отрезвление, переоценка ценностей, роли Советского Союза в российской цивилизации у наших доморожденных западников. Они стали глубже понимать слова А.И. Герцена, сказанные в его «Концах и началах», где он писал о Европе и Западе как о мире, где все, в конечном счете, определяет «господство лавки и промышленности», где происходит понижение всего нравственного быта, суживание ума и энергии, «стертость» личностей. Там, где кормчий мира – купец, там жизнь сводится к интересам торговой конторы и мещанского благосостояния, там она мельчает, и из нее исключаются общечеловеческие интересы» [6]. Что изменилось в Европе с тех пор? Много. Но главное – осталось. Главное – это дух потребления и наживы.

Как тут не вспомнить слова известного русского философа А.И. Ильина, который прозорливо предостерегал россиян от «европейской цивилизации». По его мнению, европейцам нужна Россия дурная, варварская, чтобы цивилизовать ее по-своему; угрожающая своими размера-

ми, чтобы ее можно было расчлениить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации и католицизма; хозяйственно несамостоятельная, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии [7].

Современные российские либералы-западники крайне негативно относятся к самой мысли о самобытности России, ее праве на собственный путь в истории. Они не разделяют точку зрения великого европейца И.Г. Гердера: «Россия – это историческая индивидуальность, и если русские будут делать из себя Европу, то они займутся самоистреблением» [8].

В отличие от либералов-западников *национально ориентированная интеллигенция*, представленная, главным образом, русским зарубежьем, противопоставляет советскую культуру русской национально-культурной традиции. Согласно этой точке зрения, советская культура не только не имеет корней в российской цивилизации, но и радикально порывает с ее культурными архетипами, которые обречены в советскую эпоху на подпольное существование. Октябрьская революция и в целом советская эпоха изображаются ими как антитеза славянскому возрождению.

Альтернативой подобной черно-белой логике является принцип конкретного историзма, согласно которому любое явление, в том числе и советскую культуру, необходимо понять в ее реальных исторических связях, как органически развивающееся противоречивое целое. В основе советской культуры лежит социальный строй, в котором общее благо стоит выше благ отдельно взятого индивида и, соответственно, социальная и национальная солидарность – выше частного-эгоистических устремлений. Это хорошо выражено словами популярной советской песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе...». В этом отношении советская культура как раз продолжает

традиции российской цивилизации, которая на всем протяжении своего развития отстаивала свою культурную самобытность в напряженной многовековой диалогической борьбе с Западом.

Никто не будет спорить о том, что советская эпоха омрачена идеологическим догматизмом и конфронтацией с религией. Но она никогда не порывала с архетипическими основаниями российской цивилизации, в частности с соборностью. Сквозь оболочку догматизма и религиозной нетерпимости в советской культуре прорастали христианско-православные начала. Русская идея, мировоззренческие контуры которой сложились в лоне православия, продолжала свою напряженную смысловую жизнь и в советскую эпоху. Православные идеалы социальной справедливости и соборного единения человечества отвечали архитектонике русского национального характера – ценностным исканиям правды-справедливости.

Вектор российской цивилизации определяется прежде всего идеалом нравственного преображения человека в обществе. Этот идеал лежит в основе русского фольклора, русской литературы и продолжает жить в советской культуре вообще и литературе, музыке, живописи, театре, кино и пр. Даже державное строительство в советский период пронизано высоким духовным смыслом и, в сущности, в своеобразной форме – форме «дружбы народов» – несет в себе идеалы соборного единения. Русский народ вошел в мировую культуру как земледельческий. Социальной основой российской цивилизации была архаическая крестьянская община. Западники видели в ней только отрицательные моменты – отказ от прогресса и идеологию восточной «застылости» и неподвижности.

Однако архаичная общинность отнюдь не является прообразом тоталитаризма. Она была гораздо выше западного аграрного или бюргерского быта, основанного, по выражению М.А. Лившица, на «частно-собственническом свинстве» и

содержала в себе «примитивную крестьянскую демократию», в которой большевики сумели разглядеть созидательный потенциал.

Вместе с осуждением архаичной общинности западники критиковали и самодержавие. Однако осуждаемый ими «восточный деспотизм» имел более положительный смысл, нежели «просвещенный деспотизм» прозападной интеллигенции. Российская цивилизация всегда строилась «снизу» – со стороны народной стихии («Я мзду не беру, мне за державу обидно») и «сверху» – со стороны централизованного государства («Человек человеку – друг, товарищ и брат»). Сегодня, к сожалению, зубами «друзей народа» подточены и «низ», и «верх». Причем, подточены самыми изощренными методами.

К сожалению, следует признать, что научный подход в уяснении своеобразия советской культуры и ее места в потоке российской цивилизационного процесса полностью вытеснен в российских СМИ идеологическим заданием – разрушить единство российской цивилизации и тем самым разорвать духовно-смысловую связь поколений. Как пророчески заметил в свое время Ф.М. Достоевский, цель «европеизации» России состояла в том, чтобы вытравить из исторической памяти народа положительные ценности, заставить его «устыдиться своего прошлого».

Если же народ не примет западные ценности за свои, то следует «устранить народ». Однако вопреки насилию, совершенному над русской историей, в общественном сознании россиян в последнее время нарастает волна возвратного процесса – тенденция возрождения собственных культурных традиций, в том числе и советских.

Общественная мысль и массовое сознание вновь возвращаются к проблеме «утраченного времени» – к недавнему советскому прошлому. Это не удивительно, ибо советская культура не имела ничего общего с потребительской цивилизацией «золотого миллиарда», которая

развивается под лозунгом «дави ближнего». В советской литературе, музыке, кино были отражены образы, которые сегодня вернулись на «голубой экран» в программах каналов «Культура», «Знание», «Звезда», «ТНТ» и др. Эти образы советских людей всех национальностей продолжают жить для нас – их прямых потомков. Вопреки утверждениям об унификации творчества в советскую эпоху, ее культура представлена созвездием творческих индивидуальностей мирового масштаба, и это не смогут отрицать даже матерые «западники».

Какую бы область мировой культуры мы сегодня не взяли, ее нельзя уже представить без великих имен: Горького, Маяковского, Шолохова, Леонова, Шостаковича, Хачатуряна, Дунаевского, Глиера, Пахмутовой, Александрова, Эйзенштейна, Станиславского, Немировича-Данченко, Орловой, Черкасова, Коненкова, Мухиной, Вучетича, Улановой, Плисецкой, Лемешева, Штоколова, Гуляева, Магомаева и многих-многих других творцов, прославивших на века советскую культуру.

Говоря о культуре, нельзя обойти молчанием ее важнейшую составную часть – *образование*, которое, кроме того, является и ее важнейшим каналом.

То, что в советские годы тоже периодически осуществлялись реформы образования – не подлежит никакому сомнению. Такова уж эта отрасль – она перманентно требует обновлений, необходимость которых диктуется самой практикой, жизнью, усложнением задач жизнедеятельности людей. Но то, что советская система образования при этом всегда была внутренне *стабильна* – тоже не подлежит никакому сомнению, особенно с позиций сегодняшней действительности, когда кучка псевдореформаторов, пришедших к руководству отраслью, уже который год корежит ее самыми невероятными способами.

Вот здесь-то и возникает насущная необходимость обратиться к бесценному опыту руководства школой в советские годы. Рассмотрим, хотя бы кратко, какие

же реальные достижения образования советского периода полностью или частично сегодня утрачены и какие из них могут быть заложены в основу предстоящей реформы образования с целью возрождения его былого престижа.

Во-первых, обратим внимание на узаконенное еще в 1984 году принятием закона «Об образовании» отступление от позиций *всеобщего обязательного полного среднего (11-летнего)* образования и установление в качестве минимального образовательного уровня *неполного среднего (9-летнего)* образования. Это, безусловно, шаг назад. Это тем более очевидно на фоне общемировой тенденции постепенного перехода уже не к среднему, а обязательному высшему образованию.

Во-вторых, широкомасштабное введение коммерциализации образовательных услуг, имеющее тенденцию перераспределения доли бесплатного и платного образования в пользу последнего. К сожалению, этот процесс в современных российских экономических условиях приобрел уже необратимый характер. Между тем, в целом ряде стран мира не убоились использовать советский опыт, где высшее техническое образование уже можно считать практически бесплатным. Советская система образования, как известно, подарила миллионам наших соотечественников, людям разных национальностей гарантированный путь в высшую школу и науку. Это исторический факт, который проигнорировать невозможно.

В-третьих, одним из прямых следствий изложенного в предыдущем тезисе является фактическое ограничение всеобщего вовлечения детей, подростков, юношества и молодежи в образовательный комплекс при условии обязательного включения *воспитательной компоненты* в образовательный процесс. Сегодня процесс обучения искусственно оторван от процесса воспитания, что принципиальным образом противоречит теории педагогической науки и многовековой социальной практике. В бездумной

погоне за столь модными сегодня «плюрализмом мнений» и «толерантностью» мы перестали понимать: кого мы, собственно говоря, взращиваем? Гражданина? Патриота? Интернационалиста? Или человека безо всяких ветрил и норм нравственного кодекса?

В-четвертых, непосредственным следствием того же тезиса является утрата объективно равных при социализме стартовых позиций социализации и профессионализации человека и замещение их принципом социального расслоения уже на самых ранних стадиях развития личности. Элитные школы и элитные вузы уже сегодня стали существенным фактором дифференциации общества на бедных и богатых, и дети из обычных школ очень чутко воспринимают это с самого раннего возраста. О каком единстве и целостности общества, о каком мнимом равноправии людей в этом обществе можно говорить при наличии этого фактора?

В-пятых, в число следствий целесообразно включить также и утрату реальной альтернативности выбора образовательной и жизненной стратегии личности сообразно ее потребностям и желаниям, склонностям и способностям, а не возможной платежеспособности. Если в советские годы, например, дочка бурятского чабана могла поехать учиться в любой город, включая самые элитные столичные вузы Советского Союза, то нынешний ее социальный статус и материальные возможности во многих случаях гарантируют ей только одно: она обречена быть чабанкой. Нередко у нее нет средств не только для учебы в Москве, но даже на билет, чтобы добраться до нее.

В-шестых, несмотря на то, что бюджетное финансирование образования практически всегда осуществлялось по остаточному принципу, на социалистическом этапе хозяйствования он подразумевал необходимость и достаточность удовлетворения потребностей системы образования. В постсоветский же период остаточность финансирования приняла, по сути, некие «запредельные формы»,

приводящие не только к несоблюдению минимальных требований к выживанию системы, но даже к деструкции основополагающих факторов существования образовательного комплекса: разрушению основных фондов, ухудшению качественного и сокращению количественного состава работников и ряду других не менее страшных последствий.

В-седьмых, распалась налаживаемая десятилетиями система социальной защищенности подавляющего большинства субъектов образовательного комплекса – как в части воспитанников, учащихся и студентов, так и в части педагогических работников образовательных учреждений. Материальное и социальное положение учителя сегодня таково, что поневоле приходят в голову слова Николая Рериха: «Стыд и позор той стране, в которой учитель поставлен в униженное положение».

В-восьмых, не отвергая негативного аспекта сверхидеологизации как общественной жизни советского народа в целом, так системы образования, в частности, нельзя не признать и позитивных составляющих проведения единой государственной идеологии, включающей в себя совокупность ряда категорий. Среди них в качестве основных могут быть выделены *нравственность, коллективизм и патриотизм*. Примечательно, например, что все нормы, заложенные в «Моральном кодексе строителя коммунизма», принятого еще на XXII съезде КПСС в 1962 году, вовсе не противоречат не только общекультурным, общечеловеческим, но и библейским заповедям.

В-девятых, постепенное размывание советской идеологии завершилось полным исчезновением образа положительного отечественного героя, так необходимого для подражания всем подрастающим поколениям. В стране в целом и в системе образования, в частности, сегодня нет ни общественного идеала, ни образа положительного героя, зато весьма успешно культивируются американские стандарты молодого человека, которого даже перестали называть русским словом

«подросток». Сейчас, как бы стесняясь своего родного языка, его называют «тинейджер».

В-десятых, утрата социального оптимизма, характерного для советского народа, как обществом в целом, так и в особенности юношеством и молодежью, привела к повальной социальной апатии, разобщенности, уходу в «ребячество», в «игру», в инфантилизм, учащению попыток суицида, наркомании и поиску других путей ухода от действительности. Не последнюю роль в этом негативном процессе сыграло и то обстоятельство, что ликвидация массовых молодежных организаций, свойственных советскому периоду, прежде всего пионерии и комсомола, привела за собой исчезновение у современного молодого поколения навыков общественного самоуправления, самоорганизации и отчасти – самовоспитания.

В качестве вывода следует сказать, что бездумное холопство перед западным опытом в области образования ничего позитивного нам не дает. Наоборот, это все загоняет нас в тупик, ломает, корежит наши ментальные ценности. Между тем, у нас есть свой, апробированный историей собственный опыт – опыт советской действительности. Следует ли забывать о том, что когда первый советский человек Ю.А. Гагарин полетел в космос, то президент США Кеннеди собрал совещание, где сделал впечатляющий вывод: «Мы проиграли русским не на поле сражения, а в области образования. Они здесь оказались во многом сильнее нас». И после этого в Америке началась крупная реформа образования, содержание которой во многом повторяло наработки советского образовательного комплекса.

В заключение зададимся одним простейшим вопросом: отчего это Россия постоянно «выпадает» из «общечеловеческого» ряда, отчего так трагична, мучительна и «неправильна» (по либеральной версии) ее история? От того ли, что она постоянно и упрямо уклоняется от общего мирового пути, или...?

Автор склонен считать, что именно – «или»... Само представление о том, что все народы мира должны идти одной общей дорогой, дорогой рыночной экономики – не более чем еще одна мифологема. Мифологема, энергично, напористо, иногда умело и тонко, иногда не очень, но активно внедряемая сегодня в массовое сознание российского обывателя. Да и не обывателя только. Эта мифологема под видом «высшего достижения мировой мысли», успешно апробированного опытом самых «передовых» стран, уже положена в фундамент современного российского образования. Либеральные представления о добре и зле, об эгоистической природе человека и его «естественных правах», его изначальной и неизбежной «атомарности», когда каждый должен заботиться о себе сам, усиленно пытаются включить в сами архетипы русского национального сознания.

И тем не менее, уже два десятилетия постсоветских реформ (а это по меркам современной истории срок вовсе не малый) не продвинуло эту программу вперед практически ни на шаг, и уж тем более не «вернуло» Россию в лоно «цивилизованных народов». Наоборот, совершенно очевидно, что с каждой новой попыткой провести эти реформы в жизнь сама жизнь оказывает им колоссальное (пока еще пассивное, внутреннее) сопротивление. И это сопротивление, как показывает действительность, скорее всего, будет возрастать. Иного и быть не может.

Два десятка лет не сформулирована национальная идея: что мы, собственно говоря, строим? Каков наш социальный идеал? Если он есть, то почему не прописан в основном законе страны – Конституции? Почему страна погрязла в воровстве, бандитизме и коррупции, уровень которой давно уже «переплюнул» коррупцию, изображенную великим Н.В. Гоголем в его пьесе «Ревизор»? Автор статьи, будучи в командировке на Сицилии, был шокирован признанием мэра города Палермо о том, что он боится сегодня не своей знаменитой сицилийской мафии, а мафии из России, которая по-

настроила на берегу моря квартал коттеджей и наезжает каждую осень в этот город, сопровождая свой приезд, ночной стрельбой, нарушающей общественный порядок. В советский период мы удивлялись мир своими открытиями в космосе и успехами в балете, теперь – пьяными преступными разборками.

Вместо того, чтобы использовать колоссальный опыт Советского Союза, который не стеснялись перенимать самые благополучные страны Запада и Востока (в том числе и США), наши либералы отвергают его, порождая лишь отдельные «гримасы» типа смены названий и ярлыков, наивно полагая, что смена слов «товарищ» на «господин», «милиция» на «полиция», «совет» на «дума» что-то может изменить.

Кроме того, сегодняшняя Россия, бездумно прикрывающаяся *евразийской* идеологией в самых разных ее исполнениях, напоминает двуликого Януса, потому что, прикрывая «фиговыми листьями» свою геополитическую неопределенность, оправдывает себя некой мифологемой «третьего пути». Именно за это Россию не любит Восток, ибо она мыслится ему как неумелый эпигон Запада. Ну а Запад в свою очередь не принимает Россию за ее неизбежную азиатчину.

Нас не любят за то, что уже несколько столетий подряд мы пытаемся усидеть меж двух стульев. Мы до сих пор не примкнули ни к чему, все выхаживая наше мичуринское древо «третьего пути». Именно поэтому нашествия на Россию происходят и с Запада, и с Востока, ибо и тот и другой видит в ней врага и угрозу.

Вот уже более трехсот лет при изучении нашей новейшей истории всех русских людей от мала до велика заставляют восторгаться крылатой фразой, что «царь Петр прорубил окно в Европу». И наши доморожденные евразийцы до сих пор приучают нас, как воров-форточников, залезать в Европу за новой порцией цивилизации, когда к концу подходит запас от предыдущего воровства. Почему-то ни один политик-интеллектуал до сих пор

не возмутился и не провозгласил, что давно пора научиться пользоваться дверью, как все нормальные люди, а не лазить в окна.

Зародившись в конце XIX века усилиями К. Аксакова, А. Хомякова, К. Леонтьева, Н. Данилевского как разновидность обновленного панславизма, евразийство сегодня прочно забыло о своих истоках, выродившись в откровенный пантюркизм и панисламизм, объекты поклонения известного евразийца Л.Н. Гумилева. Главы современных среднеазиатских и кавказских республик, вылупившихся посредством аборта на территории бывшего СССР, уже нисколько не скрывают, что евразийская концепция нужна им, чтобы воспользоваться в полной мере благами европейской технологической цивилизации. «Можно не сомневаться, – пишет московский философ В.Б. Авдеев, – что этот обмен будет идти по схеме: «Мы им пенициллин, а они нам героин». «Великий шелковый путь» давно уже превратился в «наркотическую магистраль» [9].

Из всего вышесказанного можно сделать, может быть, самый главный вывод: советская цивилизация была искусственно прервана предательством либеральной интеллигенции и партийной номенклатурой, для которых обладание материальными благами стало выше духовных ценностей. Самый страшный удар при этом – это не развал промышленности, сельского хозяйства, обороноспособности и т. д. Самый страшный удар направлен на развал самобытной советской культуры и замену ее культурой массовой, бесчеловечной по своей природе. Своеобразие исторического пути России, ее культуры, общественного уклада – основа движения вперед, к расцвету, отказ от этих ценностей – движение к закату.

Министр культуры РФ А. Авдеев с горечью говорит о том, что на культуру сегодня выделяется менее 1 % бюджетных ассигнований, что в стране катастрофически сужается культурное поле народа. Только для 8 % россиян доступны биб-

лиотеки, для 18 % – музеи. В целом, по данным министерства культуры РФ, доступ к культуре открыт лишь для трети населения страны. (Между прочим, по Конституции доступ к культурному наследию должен быть обеспечен для ста процентов населения России). Налицо грубое нарушение Основного Закона.

Говоря недавно о выделении новых миллиардов на армию, премьер-министр В. Путин пошутил, что ему «страшно даже произнести эту цифру». На это весьма уместно отреагировал В. Костриков в своей статье под симптоматичным названием «Портянки для Золушки». Он пишет: «А вот на культуру денег нет. Она остается Золушкой в поношенных башмаках. На портянки хватает, а на хрустальные туфельки – нет» [10].

Литература

1. Кропачев С.А. Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937- 1938 гг. // Рос. история. 2010. № 1. С.168.

2. Марков Б.В. Человек, государство и бог в философии Ницше. СПб. 2007. С.

400-401.

3. Интервью с профессором факультета философии и политологии СПбГУ, доктором философских наук Б.В.Марковым //Credo. Теорет. журн. СПб. 2007. № 3. С. 8.

4. Тургенев И.С. Пол. собр. соч.: в 30 т. М. 1988. Т.5. С.159.

5. Комсомольская правда. 1992. 4 янв.

6. Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М. 1955. Т.16. С.126-127.

7. Савельев Ю.П. Патриотизм как явление отечественной культуры // Сов. культура в контексте истории XX века: материалы науч. конф. СПб., 2000. Ч. 1. С.16

8. Тимашевский А.В. Советская культура: одухотворенная тоталитарность или тоталитарный прорыв к высокому духу // Там же. С. 27.

9. Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. М., 2002. С.55.

10. Костриков В. Портянки для Золушки // Аргументы и факты. 2011. 6 апр. С.6.

УДК 316.732

АККУЛЬТУРАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*Н.В. Леденева, соискатель
ВСГУ, Улан-Удэ*

Процессы глобализации определяют рост межкультурных контактов, вызванных процессами миграции, обменом студентами и специалистами, созданием международных корпораций и организаций. Но не всегда межкультурный диалог или взаимодействие бывают успешными. Более того, столкновение с чужой культурой является причиной культурного шока, избежать которого мало кому удастся. В связи с этим в статье рассматриваются процессы аккультурации и ее основные стратегии, а также шесть типов реакции на инородную культуру и советы, как облегчить процесс привыкания к ней.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, аккультурация, стратегии аккультурации, отрицание, защита, минимизация, принятие, адаптация, интеграция.